

Изъ церковно-судебной практики XVIII-го вѣка.

Въ февральской книжкѣ „Русской Старины“ проф. А. С. Лебедевымъ напечатана статья подъ заглавіемъ: „Примѣненіе наказаній въ средѣ духовенства и мірянъ въ XVIII вѣкѣ“. Почтенный профессоръ давно уже занимается этимъ вопросомъ и болѣе интересные результаты своихъ поисковъ по консисторскимъ и другимъ церковно-юридическимъ документамъ публикуетъ для общаго свѣдѣнія въ своихъ сообщеніяхъ. Въ данномъ случаѣ читателю дается рядъ фактовъ примѣненія духовнымъ начальствомъ тѣлесныхъ наказаній „тѣлеснаго боя“ и „тѣлеснаго смиренія“—по выраженію документовъ того времени. Въ особенности распространено было употребленіе тѣлеснаго боя въ монастыряхъ; здѣсь за личное преступленіе и проступокъ били плетью и розгами и сажали въ цѣпь. Битье чѣмъ попало практиковалось и просто какъ мѣра началенья или началованья отцомъ своего послушника—сына; плетью наказывали не только монаховъ и послушниковъ, но и монахинь и послушницъ.—„Не было изобижено по части тѣлесныхъ наказаній и приходское духовенство“ по сравненію съ монашествующими. Рядъ фактовъ сюда относящихся въ названной статьѣ производитъ въ особенности тяжелое впечатлѣніе. Право архіерея назначать „нещадное наказаніе плетью въ консисторіи или духовномъ правленіи“ было до того общепризнано, что противъ него никто не протестовалъ, даже никто не жаловался за истязаніе и жестокость, съ коими оно примѣнялось. Случаи жалобъ—и не рѣдкіе—относились къ

жестокости „поповскихъ старость“ (нынѣшнихъ благочинныхъ). Даже и эти органы епархіальнаго начальства иногда пускали въ дѣло плети, „устремляясь съ бичами и ударами на тѣла“ — выражаясь языкомъ каноновъ своихъ собратьевъ священниковъ; что же касается сажанья въ цѣпи на своемъ поповскомъ дворѣ, то на оное мѣропріятіе они прямо уполномочивались. Особенно тяжело слышать, что жестокое тѣлесное наказаніе назначалось священникомъ иногда не за проступки, а просто за дѣла певѣдѣнія или неблагоразумія въ священнической практикѣ. Напр. преосвященный Иоасафъ (Горленко), усмотрѣвъ въ солдѣ Изюмцѣ у священника въ домѣ въ углу нѣчто въ родѣ рукоумывальницы, въ которой въ зимнее время священникъ дѣтей крестилъ, опредѣлилъ: „наказать попа въ духовномъ правленіи плетьюми, чтобы онъ вымысловъ не чинилъ, а содержалъ бы мѣсто къ тому потребное по правиламъ въ церкви“. — Тѣлесному наказанію въ духовныхъ судахъ подвергались и міряне, мужчины — плетьюми, женщины — розгами. Преступленія, за которыя назначались таковыя наказанія, были: нарушеніе святости брака и цѣломудрія, второбрачіе и въ особенности — обиды духовному чину. „Иногда архіерей — говоритъ почтенный авторъ — присуждая къ наказанію плетьюми въ консисторіи такихъ преступниковъ, которые, по роду ихъ дѣяній, должны бы подлежать казни гражданской, выставляли это, даже *какъ дѣло особаго пастырскаго милосердія*, спасающаго виновныхъ отъ болѣе тяжкаго наказанія“. — Почтенный авторъ въ сообщеніяхъ своихъ ограничивается практикою главнымъ образомъ Бѣлгородскихъ архіересевъ. Можемъ сказать, что такова же практика была дов. обычною въ XVIII вѣкѣ и въ другихъ епархіяхъ, напр. Ростовской и въ подтвержденіе представляемъ слѣдующую выписку изъ одного судебного приговора Митрополита Ростовскаго Арсенія (Маціевича) отъ 1762 г. Октября 22-го дня.

„По указу Ея Императорскаго Величества, наше архипастырство слушавъ происходившаго въ Ростовской нашей консисторіи, по прошенію града Романова церкви Святыя Живоначальныя Троицы, что на погостѣ, попа Сумеона Васильева, приходу ево на сына ево духовнаго, вотчины Спасоярославскаго монастыря деревни Яковлева крестьянина Василья Иванова, въ бою имъ, Васильемъ, оного попа,

дѣла, по коему оказалось: означенной троицкой попѣ Симеонѣ объявленнымъ, поданнымъ нашему архіерейству прошеніемъ представилъ: Юля де 7-го дня сего 1762 году имѣлся онъ, попѣ, быть въ Романовскомъ уѣздѣ въ селѣ Помогаловѣ для взятія у земскаго Ѳеодора Ѳеодорова духовныхъ росписей съ дьячкомъ Александромъ Ѳеодоровымъ, и какъ они, попѣ и дьячекъ, по взятіи оныхъ росписей, шли по дорогѣ сквозь означенную деревню Яковлево, то вышеявленной крестьянинъ Василій не вѣмъ съ какого вымыслу ево, попа билъ смертными и несносными побоями, приговаривая то, что де ты для чево ево, Василья, не вѣнчась, понеже де ему, по его желанію хотѣлось взять за себя въ замужество солдатку, Ананьей имя, а отечество и чьей она вотчины и мужъ ея находится живъ ли, или умеръ, о томъ ничево онъ, попѣ, не извѣстенъ, и просилъ, чтобъ отъ такихъ неповинныхъ и напрасныхъ, учиненныхъ ему, попу, вышепереченнымъ крестьяниномъ несносныхъ побой защитить и помиловать, дабы онъ, попѣ, и впредь такъ напрасно отъ него обиженъ не былъ; а по осмотру и описи въ Консисторіи нашей па немъ попѣ Симеонѣ оказалось битыхъ мѣстъ: знакъ на лицѣ—надъ самымъ лѣвымъ глазомъ побагровѣло; на обоихъ рукахъ, на правой и на лѣвой, отъ самыхъ плѣчь до локтей багровыежъ большіе знаки; на спинѣ, на бокахъ и на лѣвой ногѣ на берцѣ весьма багровые черные битые мѣста, и видно, что пѣчемъ тяжелымъ бито; а вышеявленной крестьянинъ Василій Ивановъ въ консисторіи допросомъ показалъ: помянутого Юля 7 дня означенной приходской троицкой попѣ Симеонѣ (которой ему Василью имѣется и отецъ духовной) въ селѣ Помогаловѣ для взятія тамо у земскаго духовныхъ росписей съ дьячкомъ Александромъ были и съ тѣмъ дьячкомъ Александромъ мимо деревни ихъ Яковлева шелъ ли, того онъ Василей ничего не знаетъ и ево попа смертными и несносными побоями, приговаривая то, что де ты для чево ево Василья не вѣнчась, онъ Василій, пичѣмъ не бивалъ, а па представленнаго отъ оного попа во свидѣтельство объявленнаго дьячка Александра онъ не слался, за тѣмъ, что де онъ съ просителемъ попомъ имѣется одной церкви, къ тому же оной попѣ у него дьячка воспринимаетъ дѣтей и потому онъ дьячекъ можетъ по немъ Васильѣ

правды не покажетъ, а кромѣ де того никакой ссоры и приказного челобитья у него Василей съ тѣмъ дьячкомъ не имѣется; онъ же де Василей въ поминаемое Юля 7 число имѣлся быть почти весь день по найму въ работѣ на Волгѣ рѣкѣ (коя отъ деревни ихъ состоитъ верстахъ въ пяти) для скобленія и подъему съ той Волги бревенъ, и въ показанную деревню Яковлево въ домъ свой приходилъ около полудень для обѣда, и пообѣдавъ того жъ времени паки на Волгу рѣку ушолъ и пробылъ на той Волгѣ до дву часовъ ночи, токмо де на то во свидѣтельство ему представить некого. Попъ же Сумеонъ на тотъ допросъ въ доказательство говорилъ, что какъ онъ попъ изъ показаннаго въ прошеніи ево села Помогалова чрезъ деревню Яковлево шелъ напримѣръ часа за полтора до ночи, и тогда вышедшаго ево попа изъ той деревни Яковлева за овины означенной крестьянинъ Василей за волосы дралъ и имѣющеюся у него въ рукахъ черемошною палкою билъ подлинно, въ чемъ на одного прежде писаннаго въ прошеніи ево попа шедшаго съ нимъ дьячка Александра слался; а кромѣ де ево во свидѣтельство представить никого не имѣеть. И показанной представленной отъ попа Сумеона во свидѣтельство тояжъ церкви дьячекъ Александръ Фодоровъ (на коего крестьянинъ Василей ссылки не имѣлъ), заявилъ, что оной попъ съ тѣмъ дьячкомъ имѣется одной церкви, къ тому же онъ попъ у него дьячка воспринимаетъ дѣтей; а ссоры никакой и приказного челобитья съ нимъ дьячкомъ онъ Василей не показалъ. А по уложенію 10 главы 158 и 159 статей повелѣно по ссылкамъ свидѣтелей допрашивать, а отводу не вѣрять. А по указу 205 году велѣно свидѣтелей не допрашивать такихъ, съ коими у истца, или отвѣтчика есть приказная или другая какая ссора, о коей по справкѣ или по сыску окажется, чего по сему дѣлу не оказалось, а кромѣ того дьячка другихъ никого въ свидѣтельство отъ нихъ не представлено. И тако того дѣла разобратъ не съ кѣмъ, и въ силу оныхъ Уложенья и указа, и напечатаннаго въ военныхъ процессахъ во 2 части, 3 главы о свидѣтеляхъ втораго пункта подъ числомъ 12 по надлежащемъ, чтобъ онъ дьячекъ показалъ самую истину, не маня никому, увѣщаніи, допросомъ показалъ: какъ де сего 762 году Юля 7 дня ввечеръ напримѣръ какъ за часъ

до ночи случилось ему дьячку съ показаннымъ попомъ Сумеономъ изъ села Помогалова возвратно мимо помянутой деревни Яковлева идти и какъ де изъ оной изъ жила вышли и пошли мимо овиповъ, то де изъ оныхъ невѣдомо каковымъ образомъ взявся выбѣжалъ къ нимъ означенной крестьянинъ Василей Ивановъ, которой ничего не говоря оного попа Сумеона ударилъ вдругъ рукою по виску и сшибши его съ ногъ повалилъ на землю и сѣдши на немъ сталъ его пона бить кулаками по всему, что увидя и испугався чтобы и ему дьячку того жъ не воспослѣдовало (ибо оной крестьянинъ собою крѣпокъ и имъ двоимъ его не одолѣть) побѣжалъ-было въ ту деревню къ крестьянамъ требовать отъ нихъ вспоможенія и какъ только подбѣгалъ то и стоящія въ той деревнѣ многолюдствомъ крестьяне видя его дьячка бѣжача къ себѣ говорили между собою что надобно де и ему дьячку таковое жъ тошпаніе дать, что услыша онъ дьячекъ не подошелъ уже къ нимъ испугався и себѣ отъ нихъ (вмѣсто защищенія) такихъ же побой оборотясь назадъ, отворота съ дороги (гдѣ означенной мужикъ пона билъ) ушелъ въ имѣющійся близъ той деревни лѣсъ и такъ едва самъ онъ дьячекъ спасся и тайно ушелъ въ домъ свой одинъ, и какъ уже тотъ мужикъ отъ попа отсталъ и палкою его билъ ли, того онъ дьячекъ не знаетъ, только де палка у него пона въ рукахъ (съ косю онъ шелъ) имѣлась.— Православное же исповѣданіе толкуя 10 заповѣдей Господнихъ, пятую заповѣдь—чти отца твоего и мать—не токмо о родителяхъ плотскихъ, но и о духовныхъ въ равенствѣ толкуеть, и на вопросъ 62 како подобаетъ разумѣти заповѣдь сію, между прочимъ тако отвѣтствуетъ: заповѣдь сія завѣщаетъ чествовати родители наша и дати имъ всякую честность и благоговѣніе, понеже они родиша ны и воспиташа ны, по и естественная совѣсть (аще быхомъ и не имѣли и отъ Бога повелѣнія) учитъ ны, яко есть праведно любити и чествовати родители наша, понеже есмы должницы тымъ за благодарѣніе яже намъ сотвориша, яковыхъ не можемъ мы когда воздати, не могуще возродити и мы онѣхъ, яко они насъ, потомъ же присущая заповѣдь обдержитъ въ словѣ, еже глаголетъ: отца и мать и вся оныя, отъ нихъ же вся видѣхомъ благодарѣнія нѣкая, яко суть духовніи отцы, учителя Господне, владыки, царіе,

сущи въ достоинствѣ и симъ подобне и конецъ всѣхъ сіе благоговѣніе и любовь, иже долженствуетъ къ предстательствующимъ, подобаетъ показоватися ко онимъ въ благоуми и покореніи, и въ словесѣхъ честныхъ и подобныхъ симъ; по повелѣнію же блаженныя и высокославныя памяти государя императора Петра перваго напечатанъ въ С.-Петербургѣ въ 718 году іюля 27 дня тестаментъ или завѣтъ Василия царя греческаго къ сыну ево Льву философу, въ которомъ тестаментѣ о чести священничествѣ въ главѣ 3 напечатана тако: цѣло имѣй мудрованіе православныхъ догматовъ и почитай мать твою церковь, яже о святомъ Дусѣ ты воздони со Христомъ о Бозѣ мною на главу твою вѣпецъ возложи; аще бо плотскихъ твоихъ родителей долженъ еси стыдиться и почитати, множае паче иже о Дуси Божіи ты родившихъ предпочитати: они бо временный животъ чадомъ даруютъ; сіи же вѣчный животъ по рожденіи ходатайствуютъ; почти убо церковь да почтенъ будеши отъ нея; и священниковъ стыдися, яко отцевъ духовныхъ и ходатаевъ намъ къ Богу; честь бо священническая на Бога восходитъ; якоже бо тебе ради твоя слуги къ тебѣ почитати праведно, тако и ради Бога іудеи Его почитати праведно, якоже яже на нихъ честь на Бога преходитъ, тако и еже на нихъ безчестіе множае паче Бога прогнѣвляеть. И отъ таковыя главы видѣтъ всякому, что благочестивое узаконеніе христіанское велитъ священниковъ съ превосходствомъ паче родителей плотскихъ почитати и непочитаніе священниковъ паче непочитанія родителей, безбожнѣйшее.—О родителѣхъ же плотскихъ въ Соборномъ уложенѣ 22 гл. въ 4 пунктѣ напечатано: будетъ кто, сынъ или дочь, не помня закона христіанскаго учнеть отцу или матери грубыя рѣчи говорить, или отца или мать съ дерзости рукою запибеть, и въ томъ на нихъ отецъ или мать учнутъ бить челомъ, и такихъ забывателей закона христіанскаго за отца и мать бить кнутомъ. А въ московскомъ Большомъ требникѣ въ номоканонѣ въ нижеявленныхъ правилахъ напечатано жъ на листу 343-мъ въ правилѣ 121 четвертаго собора: яко недостойтъ просту укорити священника или бити или поношати, или клеветати, или обличати въ лице, аще убо и истинна суть; аще же постигнетъ сіе сотворити да проклетенъ мірскій, да отщется изъ церкви, разлученъ бо

есть отъ святыхъ Троицы и посланъ будетъ въ Іудино мѣсто: писано бо есть: князю людей твоихъ не речеши зла, такожде и настоятеля безчестуй; того жъ листа на оборотѣ въ правилѣ 126 Апостола Павла: аще же кто укоритъ священника да запретится лѣто едино, аще же дастъ ему заусненіе или съ дровомъ да запретится три лѣта, аще и священникъ проститъ ему согрѣшенія. Соборнаго же уложенія вышеписанной 22 главы въ 11 статьѣ напечатано: а будетъ такой же поругатель кого нибудь зазвавъ или силою заволокши къ себѣ на дворъ учнетъ бити ослопомъ, или кнутомъ, или батоги и съ суда същется про то до прямиа и такому наругателю за такое его дѣло учинить безчестье и увѣчье вдвое, а въ томъ же соборномъ уложенѣ въ 10 главѣ въ слѣдующихъ статьяхъ напечатано жъ: въ 87—городовыхъ соборныхъ церквей протопопамъ и протодіаконамъ, и попамъ, и діаконамъ безчестье править противъ ихъ денежныхъ окладовъ; въ 88-мъ: а приходныхъ церквей, къ которымъ руги нѣтъ, попамъ и дяконамъ противъ городовыхъ соборныхъ поповъ и дяконовъ вполы; во 136-мъ: а будетъ кто учнетъ искать бою и грабежу и отвѣтчикъ въ боѣ не запрется, а про грабежъ скажетъ, что не грабилъ и на немъ велѣтъ исцу за увѣчье и за безчестье доправить противъ окладу вдвое, а въ пенѣ его что государь укажетъ. А по справкѣ съ экономическою нашею канцелярією оказалось, что ростовской соборной церкви рядовые священники денежнаго жалованья получаютъ каждый по семи рублевъ въ годъ, а приходской градской церкви пону противъ того вполнѣ причтется три рубли пятьдесятъ коп., а вдвое будетъ семь рублевъ. А вышеписанной крестьянинъ Василей Ивановъ сказкою объявилъ, что ежели за учиненную имъ Васильемъ вышеименованному приходскому и отцу ево духовному троицкому пону Сумсону въ боѣ и увѣчѣ ево продерзость повелѣно будетъ въ силу правилъ святыхъ и указовъ съ нею Василья за оказавшуюся по тому дѣлу виновность ево взыскать оному пону подлежащее число денегъ, то онъ Василей заплатитъ оные повиненъ, только бѣ благоразсмотрѣніемъ нашего архіерейства повелѣно было ему, Василью, въ платежѣ тѣхъ денегъ за преимуществомъ ево дать надлежащій срокъ, въ которой бы онъ Василій по неимуществу своему заплатить будущаго 763 году въ

апрѣлѣ мѣсяцѣ несомнѣнно. И по вышеписаннымъ обстоятельствамъ показанной крестьянинъ Василей Ивановъ въ смертномъ и неспособномъ объявленнаго приходскаго и отца его духовнаго троицкаго попа Сумеона боѣ и увѣчьѣ (хотя онъ Василей въ томъ и не признавался и въ допросѣ своемъ заперся по представленной отъ попа свидѣтель дьячекъ Александръ показалъ, что онъ Василей его попа при одной деревнѣ на дорогѣ билъ подлинно, также и въ консисторіи при осмотрѣ на немъ попѣ на лицѣ, на рукахъ, на спинѣ и на ногахъ битыя багровыя не малыя знаки оказались) остался виноватымъ. А понеже по вышепрописаннымъ изъ катихизиса пятой заповѣди и благочестиваго царя Василія Греческаго, апробованнаго блаженныя памяти Петромъ первымъ императоромъ и самодержцемъ всероссійскимъ тестаментомъ повелѣно священниковъ и отцовъ духовныхъ въ равной любви и чести содержать якоже плотскихъ родителей, паче же и въ большей, понеже честь священническая на Бога восходить, и яко же еже на нихъ честь на Бога преходить, тако и еже на нихъ безчестіе множае паче Бога прогнѣвляеть; безчестіе же Божіе и Богохуленіе въ единой сплѣ имѣется, а Богохульниковъ гражданское право велить жечь, а показанной крестьянинъ Василей Ивановъ въ противность заповѣди Божіей и правилъ святыхъ и гражданскихъ монаршихъ правъ вмѣсто подлежащей оному священнику и отцу духовному чести дерзнулъ оного отца своего духовнаго, шедшаго дорогою напавши на него разбойнически бить и увѣчить смертными и неспособными побоями, за что подлежалъ онъ по силѣ вышеписанныхъ гражданскихъ правъ въ гражданскомъ судѣ жестокому наказанію; однако мы по пастырскому нашему званію и снисхожденію, ища наипаче истиннаго покаянія и души спасенія въ гражданской судѣ посылать его оставляемъ и повелѣваемъ за вышепрописанную его продерзость и неспособное объявленію священнику и отцу своему духовному смертными побоями озлобленіе, въ Консисторіи нашей учинить ему плетью довольное наказаніе, и по наказаніи за безчестіе и увѣчье оного священника по силѣ вышеписанныхъ же гражданскихъ правъ взыскать съ него Василія противъ соборнаго священника въ попы вышеписанное число семь рублей, также пошлины, подлежащее по указу число,

и по взысканіи оное число отдать священнику съ роспискою, а пошлины записать въ книгу, и потомъ ево, Василья, доколѣ онъ въ вышеписанной продерзости своей самъ не признается и не принесетъ надлежащаго покаянія, такожь и оному попу за безчестье и увѣчье оныхъ семи рублей не заплатитъ, до толѣ послать ево въ монастырь Спасо-Ярославской, въ коемъ содержать ево въ пристойной работѣ безъ отпуску, и быть ему отъ входа церковнаго и требъ христіанскихъ во отлученіи; увѣщевать же ево тамошнему намѣстнику, а ипогда всеевятскому ключарю соборному, дабы онъ въ показанной своей учиненной продерзости признался и истинное покаяніе принесъ и не былъ ожесточенъ и совѣмъ сынъ погибельный; не запрещается же ево приводить къ пѣніямъ при церкви въ паперть и въ транезу для слушанія слова Божія и поученія. А ежели паче чаянія онъ Василей покаянія не похочетъ приносить, то увѣщавающія да возвѣстятъ ему, что онъ и при церкви погребень не будетъ, ежели безъ покаянія ожесточенъ останется и умретъ. О такомъ случаѣ для надлежащаго вѣдома и ради объявленія повсѣмъ церквамъ народу повелѣваемъ консисторіи нашей съ прописаніемъ сего нашего опредѣленія публиковать во всей епархіи указами непременно ¹⁾“.

Читая въ настоящее время извѣстія о примѣненіи подобныхъ „пастырскихъ“ и снисходительныхъ вразумленій къ крестьянамъ, виновнымъ въ нанесеніи боя и увѣчья священникамъ и своимъ духовнымъ отцамъ, трудно, конечно, воздержаться отъ выраженія грустной ироніи на счетъ этого пастырства и снисходительности. Однакоже, откинувъ во всей этой *жестокой* церковно-судебной практикѣ XVIII вѣка тѣ черты, которыя отразились на ней какъ печать тогданнихъ грубыхъ нравовъ, мы найдемъ въ ней нѣчто поучительное и для настоящаго времени.

Такъ, въ этой практикѣ поражаетъ насъ прежде всего широкое и глубокое значеніе церковнаго суда въ общественной жизни Россіи прошлаго вѣка. Церковный судъ имѣлъ за это время весьма широкую юрисдикцію: онъ разсматривалъ и издавалъ свои рѣшенія — не говоря о церковныхъ—

1) Изъ архива Крестовоздвиженской церкви села Краснаго, Ярослав. губ. Машкинского уѣзда, книга указовъ, № 1051.

даже по весьма важнымъ *уголовнымъ* преступлѣніямъ *мирянъ*. Церковный судъ и уголовная юрисдикція... какія не совмѣстимы это понятія по воззрѣніямъ нашего времени! Вѣдь это значитъ церковь вторгалась въ сферу государственную? Отпудь итъ; уголовные суды дѣлили свое дѣло, не встрѣчая себѣ стѣсненія отъ церкви, но и церковь— по крайней мѣрѣ въ лицѣ наиболѣе энергичныхъ своихъ епископовъ — производила въ своихъ учрежденіяхъ своими средствами изслѣдованіе о преступленіи, постановляла и приводила въ дѣйствіе свои приговоры, не дожидаясь рѣшеній по тѣмъ же дѣламъ судовъ уголовныхъ, дѣйствовала независимо отъ нихъ и въ этомъ смыслѣ конкурировала съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, потерпѣвшій побой отъ крестьянина священникъ весьма охотно—какъ мы видѣли изъ представленнаго нами случая—обращается съ жалобою не въ *провинціальную канцелярію*—уголовный судъ того времени, а въ духовную консисторію, да и подсудимый крестьянинъ не только слѣдуетъ за истцомъ, но и охотно исполняетъ рѣшеніе этого не уголовного суда по его уголовному дѣлу. Почему? Потому, конечно, что священникъ почиталъ для себя легче добиться правосудія у своего начальства, чѣмъ въ провинціальной канцеляріи, да и крестьянину выгоднѣе было подвергнуться хотя и внушительному вразумленію архипастыря, чѣмъ подвергаться нещадному и жестокому наказанію уголовного суда. — Но церковный судъ XVIII вѣка не только конкурировалъ съ судомъ уголовнымъ— что хотя всегда и представляетъ выгоду судящимся, но не всегда бываетъ желательна въ цѣляхъ правосудія, — но и *дополнялъ* его. Разительный примѣръ сего представляетъ слѣдующее рѣшеніе Арсенія митрополита Ростовскаго отъ 1758 года 31 Августа.

„Наше архіерейство имѣя разсужденіе, яко поданнымъ намъ Ярославскаго уѣзду, Верховскаго стану, села Морозскаго, церкви св. живоначальныхъ Троицы отъ священноцерковнослужителей прошеніемъ извѣстно есть, что сего 758 году Апрѣля 30 дня одного Морозскаго приходу деревни Козлова помѣщики, отставные прапорщики, братья родные, Матѳей да Иванъ Доанасіевичъ, дѣти Лыткины, собрався многочетствомъ своимъ съ вотчинными своими крестьяны въ томъ селѣ Морозкомъ ихъ, священно и цер-

ковнослужителей *били смертно и немилостивно ножемъ и топорными обухами, и изъ нихъ попи Василья безчеловѣчно муча и порубя ему голову до мозгу и тайныя уды разбивъ, убили до смерти, а другаго священника Алексія мучительствомъ бивше еле жива оставили, о которомъ оныхъ Лыткиныхъ со крестьяны мучительствѣ и убивствѣ происходитъ нынѣ въ Ярославской провинціальной канцеляріи дѣло, которое, донележе къ рѣшенію придетъ, мы довольно разсмотрѣли, что оное убивство не имѣетъ никакаго правльнаго резону и никакой благословной причины ко оправданію, но есть сущая и самыхъ христуубійць продерзость, къ себу вопіющая: понеже показанные Лыткины не простолюдина брата своего по священника Христовъ сагъ на себѣ носящаго дерзнули толь безчестно и безчеловѣчно убити и умертвити; надлежитъ убо оныхъ Лыткиныхъ со крестьяны, яко оскверненныхъ убійствомъ и кровію священническою по надлежащему правосудію церковному отлучить отъ входа церковнаго и отъ всеѣхъ требъ христіанскихъ.¹⁾ Того ради за учиненное ими насилье и безбожную продерзость властію отъ Бога намъ данною архіерейскою по силѣ духовнаго регламента (2 части на листу 33-мъ) отлучаемъ ихъ, Лыткиныхъ, со крестьяны отъ входа церковнаго и отъ всеѣхъ требъ христіанскихъ, дабы къ нимъ со святынею и съ требами священники, никто, не приходили; ежели же оныя, Лыткины, и крестьяне ихъ сами упорно придуть въ церковь во время пѣнія или божественныя литургіи, то остановить пѣніе и литургію, донележе они изъ церкви изыдутъ и о томъ епархіи нашей во всеѣхъ церквахъ публиковать“²⁾.*

Мы не знаемъ, чѣмъ кончилось дѣло Лыткиныхъ въ провинціальной канцеляріи; возможная вещь, что при тогдашней волокитѣ оно тянулось очень долго и при тогдашнемъ судейскомъ взяточничествѣ окончилось ихъ оправданіемъ, и вопіющая продерзость осталась безнаказанною со стороны уголовного суда; какъ же не признать при такомъ

¹⁾ Далѣ слѣдуютъ ссылки на каноническія опредѣленія, относящіяся къ дѣлу.

²⁾ Изъ архива прежде названной церкви. № 604.

весьма возможно предположеніи за сравнительно скорымъ и правымъ церковнымъ судомъ значенія *дополняющаго* государственное правосудіе?

Изъ судебной практики того же митрополита Арсенія (Маціевича) мы знаемъ далѣе нѣсколько примѣровъ, что его отлучительные приговоры производили благотѣльное вліяніе на самыхъ поднавшихъ имъ лицъ, не говоря уже о лицахъ потерпѣвшихъ, которые въ нихъ получили удовлетвореніе, котораго въ то ужасное время имъ тщетно было бы искать гдѣ либо. Мы знаемъ нѣсколько примѣровъ, что лишенные входа церковнаго, пробывъ не далѣе какъ годъ подъ отлученіемъ, обращались къ митрополиту съ изъявленіемъ раскаянія въ своихъ продерзостяхъ съ сознаниемъ справедливости наложеннаго на нихъ церковнаго наказанія и съ просьбою о снятіи съ нихъ отлученія. Такъ въ 1755-мъ году Генваря 4 дня митрополитомъ Арсеніемъ были подвергнуты отлученію помѣщикъ Ростовскаго уѣзда, *Лидмиллицкаго* Елецкаго полка капитанъ Николай Васильевъ Тернигоревъ и жена его Екатерина Андреева „за происшедшія отъ нихъ дому божію архіерейскому и его преосвященству обиды и противности“; а 22 Декабря того же года эти отлученные обратились къ митрополиту съ прошеніемъ, въ которомъ объяснили, что „по продерзостямъ своимъ предъ его преосвященствомъ состоятъ виновны и запрещеніе учиненное имъ признають быти за правильное и, чувствуя ту вину, приносятъ обо всемъ покаяніе“. Вслѣдствіе этой просьбы митрополитъ „по долгу пастырскому милосердуя о душахъ ихъ, повелѣлъ дому его преосвященства эконому Геромонаху Амвросію онаго Николая Тернигорева и жену его Екатерину по чиноположенію церковному исповѣдать и разрѣшить и до входа церковнаго и до всѣхъ христіанскихъ таинствъ на нихъ пріобщить (которые по исповѣди онымъ экономомъ и разрѣшены)¹⁾. Въ 1751 году къ тому же митрополиту обратился съ просьбою Лейбъгвардіи коннаго полка поручикъ Тихонъ Ѳедоровъ Яминскій о разрѣшеніи своего отца угличскаго уѣзда села Павловскаго Ѳедора Тимоѣева Яминскаго и митрополитъ „резолуцію повелѣлъ: за просьбу

1) Изъ архива названной церкви, указъ № 70.

ево, просителя, какъ отца ево, такъ и людей и крестьянъ его по прежнему въ церковь допускать и къ нимъ въ дома со всякими требами ходить“¹⁾).

Кто приметъ во вниманіе положеніе помѣщиковъ вотчинниковъ прошлаго вѣка, ихъ невѣжество, грубость и всевластіе, кривосудъ и волокиту судебныхъ учреждений, бѣдность и приниженность духовенства, тотъ въ виду представленныхъ выше примѣровъ церковно-судебной практики признаетъ конечно, что церковный судъ въ то время былъ весьма важнымъ дополненіемъ суда уголовнаго. Но то было время и прошло. Въ настоящее время наши уголовные суды, конечно, поднялись неизмѣримо высоко по сравненію съ уголовными судами прошлаго вѣка и тѣмъ не мѣнѣе, можно ли сказать, чтобы общественная жизнь наша не нуждалась совершенно въ дополненіи ихъ церковными судами?

Что касается соотвѣтствія цѣлямъ *уголовно-государственнаго правосудія* современной уголовной юстиціи, то, понятно, мы не возьмемъ на себя смѣлости разсматривать поставленный вопросъ *съ этой точки зрѣнія*. Но мы имѣемъ право стать на иную точку зрѣнія общественной и личной правственности и съ нея посмотрѣть на дѣло. Тогда заслуживающими полнаго нашего вниманія окажется напр. слѣдующее, весьма не рѣдкое явленіе въ нашей уголовной практикѣ: судъ и присяжные признаютъ фактъ преступленія, но не признаютъ виновными его совершителя, хотя бы онъ самъ признался въ его совершеніи. Спрашивается теперь: ужели таковымъ рѣшеніемъ можетъ удовлетворяться не только общественная, но даже и личная совѣсть этого оправданнаго — преступника? Если и можетъ, то развѣ изъ 100 подобныхъ случаевъ въ одномъ случаѣ, а въ 99-ти и общество и оправданный должны ощущать нѣкоторое стыдѣніе лица. „Я украсть, но не виновенъ“, „я убилъ, но не виновенъ“, „я растратилъ, но не виновенъ“ — это сужденія, исполненныя внутренняго противорѣчія, съ которыми не мирится ни логика, ни совѣсть. Единственнымъ обстоятельствомъ, нѣсколько примиряющимъ съ такими сужденіями разумъ и совѣсть, служить, конечно, мысль о не-

¹⁾ Изъ архива означенной церкви, указъ № 337.

соотвѣтствіи вины — возмездію: уголовное возмездіе во многихъ изъ этихъ случаевъ было бы превышающимъ вину въ виду смягчающихъ ея обстоятельствъ, было бы несправедливостью, жестокостью. Уголовное правосудіе во многихъ изъ такихъ случаевъ бываетъ поставлено въ крайность: или оправдать явнаго и сознавагося преступника, или подвергнуть одинаковой карѣ съ отъявленнымъ злодѣемъ челоуѣка почти безвольно, обстоятельствами вовлеченнаго въ преступленіе. Средины у него нѣтъ и быть не можетъ. И вотъ совершитель преступленія выходитъ изъ суда оправданнымъ, при дружныхъ аплодисментахъ зрителей, т. е. общества. Что же эти аплодисменты? Не суть ли они публичное ослѣваніе разума и совѣсти? Конечно— да, суть!

Нашъ уголовный кодексъ знаетъ и признаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможность такой аномаліи и единственнымъ средствомъ устраненія ея признаетъ преданіе такого оправданнаго преступника церковному суду, или церковному покаянію.

Страшное, неловкое, унижительное положеніе и для уголовного суда и для Церкви создается такимъ исходомъ судебного процесса. Ибо съ одной стороны выступаетъ государственный прокуроръ, предающій церковному покаянію, съ другой — перковь — пресповѣдница покаянія — выжидающею повелѣнія прокурора для исполненія миссіи, ради которой она устаетовлена своимъ Божественнымъ Основателемъ. — Въ тѣхъ случаяхъ, когда оправданный преступникъ, присужденный къ церковному покаянію — челоуѣкъ дѣйствительно совѣстливый и богобоязненный, опредѣленіе уголовного суда для духовнаго начальства совершенно удобоисполнимо: ибо таковой преступникъ и безъ опредѣленія суда, самъ, побуждаемый своею совѣстію, обратится къ священнику для умиротворенія. Но совершенно не удобоисполнимо для духовнаго начальства опредѣленіе о покаяніи по отношенію къ челоуѣку малосовѣстному, или не вѣрующему. Въ дашномъ положеніи, исполняя предписаніе уголовного суда, духовное начальство можетъ только назначить опредѣленный срокъ епитиміи и поручить надзоръ за исполненіемъ ея извѣстному священ-

пику, за тѣмъ далѣе, по прошествіи этого срока подсудимый раскланивается, и ни священники, ни духовное начальство не въ силахъ ничего съ ними сдѣлать: потому что подсудимый узаконенную епитимію отбылъ, а къ за-прещенію подсудимому „входа церковнаго“, вообще къ отлученію отъ церкви, опредѣленіями уголовного суда духовное начальство не уполномочивается. Да, бываютъ случаи и въ настоящее время, когда уголовное правосудіе поставлено на должную высоту, при которыхъ свободное, т. е. независимое дѣйствіе церковнаго суда сказывается существеннымъ дополненіемъ уголовного — даже по сознанию сего послѣдняго, — и однако же церковный судъ этого дополненія въ настоящее время не даетъ, потому что не имѣеть независимости и силы.

Какъ искони, такъ въ частности и въ XVIII в. въ Россіи церковный судъ дѣйствовалъ въ качествѣ *sensus a magis*, и сфера его вѣдѣнія здѣсь была неограниченная, на столько же не ограниченная, на сколько не ограничена сфера духовнической исповѣди — *forum internum*, единственнымъ средствомъ ориентироваться въ коей служить декалогъ. По канонамъ православной церкви на приложение дисциплинарно-церковныхъ мѣръ въ этой сферѣ уполномочивается не только епископъ, но и пресвитеры (священники) городскіе и сельскіе. По правиламъ Θεοφιλα Александрійскаго „законное дѣло содѣлали пресвитеры въ веси Геминѣ... яко Кирадію, *причинявшюю обиды* и нехотѣвшюю прекратити неправду *они отлучили отъ собранія церковнаго* ¹⁾“. Не почитается незаконнымъ. т. е. превышающимъ власть пресвитеровъ дѣйствіемъ и устраненіе отъ должности *чтеца* — лица „явившагося виновнымъ въ преступленіи *любодѣянія* ²⁾“.

Въ упоминаемой нами статьѣ проф. А. Лебедева представлено весьма довольно фактовъ примѣненія церковнымъ начальствомъ судебно-дисциплинарныхъ мѣръ по проступкамъ подобнаго рода. Впрочемъ по этому предмету исторія церковнаго права знаетъ, кромѣ фактовъ, и узаконеніе съ общецерковнымъ значеніемъ (для русской церкви).

1) Θεοφ. Александр. прав. 14.

2) Тамъ же прав. 6.

Въ ст. 29-й, т. II. Адриановой инструкціи ¹⁾ содержится слѣдующее предписаніе: „которая вдова или дѣвка приживетъ съ кѣмъ незаконно и родитъ ребенка, и тое родильницу молитвою очиститъ безъ замотчанія, и младенцу имя нареши, и на тоѣ роженицѣ, въ коемъ дому она живетъ, собрать въ томъ поручную запись, чтобы покамѣсть она обможется, куда не ушла. А какъ обможется и ее взять на десятильничъ дворъ и допросить, съ кѣмъ она того ребенка прижила. И того, на кого скажетъ, сыскавъ, допросить и по розыску учинить ему наказаніе — бить шелепами нещадно и сослать подъ началъ въ монастырь на мѣсяцъ, и въ монастырѣ велѣтъ ему быти между церковнаго пѣнія въ монастырскихъ трудѣхъ, а къ церковному пѣнію, къ вечернѣ, утрени и литургіи велѣтъ приходить и послѣ литургіи на всякій день по 100 поклоновъ класть земныхъ. А роженицѣ чинитъ указъ противъ того жъ, какъ ей минетъ 40 дней, а почеревныхъ денегъ не имать. А для вѣдома тѣ распросныя рѣчи ихъ на десятильничѣ дворѣ записывать въ книгу. А если которыя вдовы или дѣвки будутъ отказываться отъ поименованія своихъ сожителей, то ихъ наказывать вдвое, чтобы онѣ тѣхъ блудниковъ никакими отговорками въ незаконственномъ дѣлѣ отъ наказанія ни для чего не укрывали (Ст. 30). По учиненіи таковой экзекуціи инструкція предписываетъ незаконниковъ сочетать бракомъ — обвѣнчать, „дабы никто незаконно, безъ вѣнчанія со вдовою, или дѣвкою не жилъ“ (ст. 31). — Достойны замѣчанія мѣры Адриановой инструкціи противъ самоубійцъ и разбойниковъ. Первые безусловно лишаются христіанскаго отпѣванія и погребенія на церковномъ кладбищѣ; между тѣмъ къ самоубійству отнесены слѣдующіе случаи смерти: „кто купаясь и похваляясь и играя утонетъ, или вина ошѣтся, или съ качели убѣтся“. Вторые (разбойники), тяжело раненные на разбоѣ или грабежѣ, получаютъ напутствіе отъ священника, но по смерти не удостоиваются отпѣванія и похоронъ на церковномъ кладбищѣ, а безъ отпѣванія зарываются въ „убогомъ дому“.

Столѣтіе прошло съ тѣхъ поръ, какъ эта Адриановская

¹⁾ Инструкція патріарха Адриана поновскому старостѣ издана въ I полномъ собр. законовъ т. 3 № 1312.

sensura potius прекратила свое дѣйствіе въ жизни русскаго преимущественно крестьянскаго общества. Роль *sensures potius* послѣ того принимали иногда на себя помѣщики въ своихъ вотчинахъ, а потомъ послѣ 1861 г. она отчасти возложена была на Волостныя Правленія. Послѣднія бездѣйствовали въ этой роли и результатомъ явилось одичаніе крестьянъ, для борьбы съ коимъ въ послѣднее время вызвали къ жизни институтъ земскихъ начальниковъ, во многихъ мѣстахъ искренно пріивѣтствуемый даже самими крестьянами. Какъ повторяется исторія!

Поповскій староста, вооруженный противъ блудниковъ шеленами, былъ, конечно, явленіемъ ненормальнымъ съ церковной точки зрѣнія, но онъ былъ *необходимымъ восполненіемъ* пробѣла въ полицейско-государственномъ организмѣ нашего отечества: это доказывается тѣмъ, что по упраздненіи его сама жизнь, такъ сказать, логикою фактовъ, вынуждена была къ необходимости возстановить его въ болѣе нормальномъ и совершенномъ чисто государственномъ институтѣ земскаго начальника.

Но *sensura potius* лишь отчасти — задача государства, главнѣйшимъ же образомъ — задача церкви, поелику религія вообще есть колыбель и опора нравственности, и потому, если 100 лѣтъ тому назадъ церковь упразднила въ средѣ своей институтъ, болѣе напоминавшій полицейскаго чиновника, чѣмъ пастыря ¹⁾, и если теперь, въ настоящіе дни это упраздненіе съ успѣхомъ выполнено *государствомъ*, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, конечно, чтобы церковь могла почитать себя вправѣ бездѣйствовать и покониться, вмѣсто энергическаго дѣйствованія и бодрствованія на стражѣ евангельской нравственности.

Правда, нельзя сказать, чтобы въ настоящее время

¹⁾ Инструкція „Благочинному“ (отъ 1803 г.)—учрежденію, замѣнявшему поповскаго старосту, — такъ опредѣляетъ мѣры дисциплинарной юрисдикціи по охраненію христіанской нравственности. „Если бы благочинный прослышалъ, что въ приходѣ дѣлаются какія безчинства, грабежи, раздоры, драки, смущенія, обиды и обманы, пьянство и т. п., то онъ долженъ на единѣ и въ церкви объявить и увѣщивать, чрезъ судомъ Божиимъ нераскаявающимся, внушая и сияшенику дѣйствовать таковыми же увѣщаніями и въ крайнемъ случаѣ духовными снотиміями“. Ст. 49 Платоновой инструкціи.

Церковь православная совершенно утратила въ этомъ отношеніи всякое дѣйственное вліяніе на общество и лица — по ея учрежденіямъ это даже и невозможно: ибо ей всегда присуще живое и дѣйственное слово обличенія, въ ней всегда дѣйствуетъ таинство *покаянія*, коимъ и дается успокоеніе и очищеніе совѣсти каждому преступнику, не получившему надлежащаго возмездія на судѣ мірскомъ *и этимъ тяготящемуся*. Но этого весьма недостаточно. Эти *средства* дѣйствованія церковной власти живы и дѣйственны только при томъ необходимомъ условіи, если преступникъ *склоненъ* подчиняться имъ, если *самъ* онъ *ищетъ* слова обличенія и искупленія вины своей: только при этомъ условіи примѣнимо съ достоинствомъ для церкви и пользою для кающагося назначеніе духовной епитиміи, по опредѣленію ли уголовного суда, или по суду духовнаго отца. Но что дѣлать не только священнику, но и епархіальному начальству съ такою личностію, которая смѣется въ отвѣтъ на увѣщаніе, издѣвается надъ духовною епитиміею? Уголовный кодексъ, точно опредѣляющій случаи преданія церковному покаянію и Уставъ духовныхъ консисторій, изображающій порядокъ церковнаго судопроизводства, обходятъ совершеннымъ молчаніемъ этотъ вопросъ. Оба эти кодекса уполномочиваютъ церковный судъ на примѣненіе власти *рѣшительной*, но ни однимъ словомъ не упоминаютъ о власти *вязательной*: и послѣдняя въ настоящее время *совершенно бездѣйствуетъ*; въ этомъ отношеніи церковный судъ настоящаго времени далеко уступаетъ церковному суду XVIII вѣка по силѣ и дѣйственному вліянію на внутренній бытъ и нравы общества, и по самому существу своему есть нѣчто ненормальное: ибо и Самъ Основатель Церкви уполномочилъ ее не только разрѣшать согрѣшающаго, но и связывать. (Мѡ. XVIII, 17—18).

Николай Заозерскій.
